

Для цитирования: Квятковский Г.Ю. Трансформация экзистенциализма в русской (советской и постсоветской) литературе // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 114–119.

УДК 001.1:316 +1(091)+141.32

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА В РУССКОЙ (СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ) ЛИТЕРАТУРЕ

Квятковский Георгий Юрьевич,
Южно-Уральский государственный
университет,
доцент кафедры философии,
кандидат социологических наук,
Челябинск, Россия.
E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается вопрос о специфике русского литературного экзистенциализма. Автор выдвигает гипотезу о нераспространенности чистого экзистенциализма в советской и постсоветской литературе в связи с трансформацией экзистенциальных идей в ницшеанские, воспринимаемые сквозь призму идеи сверхчеловека: переживание экзистенциальных пограничных ситуаций становится маркером превосходства литературного героя над окружающими. Автор рассматривает причины, вследствие которых указанная трансформация литературного экзистенциализма становится массовой и популярной в читательских кругах.

Ключевые понятия:
история философии,
социальная философия,
экзистенциализм,
ницшеанство,
современная философия.

С появлением первых экзистенциальных романов тематика заброшенности человека, смысложизненных решений и их последствий, бунта перед абсурдом, пограничных ситуаций и т.д. оказалась чрезвычайно востребованной аудиторией и сформировала своеобразную моду на экзистенциализм в СССР и России во второй половине XX в. При этом многообразии проблем, порожденных экзистенциальной тематикой, оказывается настолько широкой, что практически все авторы военной прозы, романов о взрослении, бытовой драмы, научной фантастики других жанров, описывающих нетипичные решения, принятые человеком в нетипичных ситуациях, могут быть записаны в экзистенциальные, что, безусловно, размывает границы рассматриваемого явления.

Например, в статье В. Корнева «Экзистенциальный гуманизм А. Гайдара» повести «Судьба барабанщика» и «Школа» расцениваются выше по экзистенциально-гуманистическому пафосу, чем «Посторонний» А. Камю, «Стена» Ж.-П. Сартра, «Шоссе в никуда» Д. Линча, хотя при этом автор оговаривается, что «Аркадий Гайдар создал своеобразный и убедительный вариант действительно экзистенциального гуманизма. Однако, как было уже сказано, терминология большого значения не имеет. Имеет значение глубина и сила художественного таланта Гайдара» [5]. Судя по восприятию экзистенциалистской литературы читательской аудиторией, вышеупомянутая оговорка является достаточно общим местом, означающим повышенную ценность экзистенциализма в массовом сознании и готовность в силу этого объявить экзистенциалистским любое понравившееся произведение.

Следствием распространенности данной подмены является не только произвольность подбора категорий для определения жанра произведения, но и расширение идейной базы экзистенциализма. В настоящей статье на примере нескольких произведений разных жанров показано, что вследствие нечеткого разграничения философских основ литературных произведений в России за экзистенциальные идеи выдаются, прежде всего, ницшеанские, и подобного рода подмена размывает само содержание экзистенциальной философии.

В связи с этим один из основных наших тезисов заключается в том, что при частом обращении к экзистенциальной проблематике философская традиция экзистенциально-ориентированного искусства в СССР и России не сложилась, а имевшие место попытки в итоге эволюционировали в сторону нищезанятия. Чтобы понять, каким образом это могло произойти, рассмотрим несколько произвольно взятых областей искусства, в которых, на наш взгляд, могла сложиться экзистенциальная философия.

Военная литература («лейтенантская проза», «окопная правда»). Причину появления экзистенциальной проблематики в военной литературе ряд исследователей [6] видит в том, что в «официальной» военной литературе, создававшейся профессиональными писателями по опросам очевидцев, но не находившихся непосредственно на фронте, была табуирована личностная составляющая, что делало произведения военной литературы стереотипными. Так, в канон официальной военной литературы неизбежно включалась тема окончания войны, связанная с возвращением домой, переживаниями мирной жизни («Сын полка» В.П. Катаева), а также тема восстановления справедливости, оправдывающая действия героев. Далее он утверждает, что «вся послевоенная история «военной темы» в советской литературе до перестройки была историей адаптации эмоционально дискомфортного опыта для нового обоснования советской идентичности – и историей отвержения опыта, дискомфортного экзистенциально» [6].

Произведения «лейтенантской прозы» создавались непосредственными участниками боевых действий, стремившихся к восстановлению правды «окопной жизни» за счет включения жестоких подробностей повседневного быта или не менее жестоких описаний батальных сцен, а также настроения человека, который даже в мирное время не сможет до конца вернуться с войны (как это описано у Э.-М. Ремарка). Однако в официальном каноне эта война ко времени появления «лейтенантской прозы» рассматривалась как уже завершившаяся, итоги ее были подведены, и слишком выбивавшиеся из общего канона умеренной скорби произведения не находили своего читателя, в лучшем случае существуя на правах фольклорных зарисовок; примером

подобного произведения может быть поэзия Ионы Дегена («Мой товарищ в смертельной агонии...»). В оставленных массовому читателю произведениях поражает несвойственное экзистенциалистам осуждение не имеющих военного опыта: так, в повестях А. Бека регулярно встречается обвинение в адрес писателей («мне ненавистна ложь, а Вы не напишете правды»), а в стихотворении «Мы не от старости умрем» С. Гудзенко солдат «хочет знать, что было здесь, пока мы были там».

Экзистенциальные проблемы, тяжесть существования человека, бессмысленность существования человека в пограничной военной ситуации и неопределенность совершаемого им выбора снимаются изначально данной надеждой на великую цель преобразования человечества, что является, скорее, нищезанятской идеей, чем экзистенциальной. Вероятно, в военной литературе экзистенциализм не прижился, и причиной могли быть как чрезмерно жесткие правила игры в поле литературы, так и сформированное к послевоенным годам мировоззрение советского человека, ощущающего необходимость опираться хотя бы на какие-то истины, так и нигилистические образы русской литературы XIX в., в то время как экзистенциализм был готов расшатать и эти опоры, а также привести к неудобным вопросам об оправданности принесенных жертв и перенесенных трудностей. Чтобы оставаться в поле литературного экзистенциализма, автор должен отказаться от идеи осуждения оставшихся и сосредоточиться только на переживаниях героя, что даже в военной литературе, пожалуй, удалось лишь В. Быкову и Б. Васильеву.

Лагерная литература. Столь же велик соблазн причислить к экзистенциальной философии идеи, высказанные в лагерной литературе. Но при этом В. Шаламов, Л. Разгон и другие авторы далеки от экзистенциальной тематики по причине отсутствия надежды как таковой. Если в книге В. Франкла психолог в концлагере питает слабую надежду на возвращение в мирную жизнь, то опыт советского лагеря в лагерной литературе не дает заключенному такого шанса. Формально эти люди попали в заключение в мирное время, вне зависимости от международной обстановки их опыт пребывания в пограничной ситу-

ации не будет прерван и представляет собой внутреннее единство. Завершенность опыта переживания не дает выстроить перспективу существования человека «по завершении» этого опыта, следовательно, у человека нет никакой возможности противопоставить открывшееся подлинное существование окружающему абсурду, да и истины, открывающиеся в мире В. Шаламова, вряд ли стоят того, чтобы стать всеобщими человеческими целями. Ограниченность лагерного существования сводит экзистенциальное переживание только к выделению себя из окружающего мира и переживанию окружающего мира как некоего объективированного «не-Я»: исследователи творчества В. Шаламова отмечали, что в его мире зеку враждебен весь окружающий мир, даже природа и время оказываются не на его стороне.

Человек, противостоящий всему пространству и всему времени, не имеет никакого стратегического горизонта и руководствуется частными тактическими соображениями, ставшими своего рода классикой жизненного ориентирования в криминальном мире: «не верь, не бойся, не проси», «умри ты сегодня, а я завтра», «каждый сам за себя, один бог за всех». Лагерный опыт оказывается запредельным для человеческих переживаний, он не поддается ни рациональному осмыслению, ни психологическому переживанию, поэтому лагерная литература может лишь показать ужас существования, в котором не открывается никакой позитивной истины, а человеческое существование оказывается борьбой за жизнь в чистом виде, снова сделав невозможным экзистенциальный поворот.

Научная (социальная фантастика). Как и многие другие «батальные» жанры, фантастика представляет благодатную почву для развития экзистенциальной тематики – человек противопоставлен недружественному, чуждому миру, в который он «заброшен» благодаря естественному течению времени или технологическому прорыву, но в течение длительного времени эта возможность не была реализована, в большей степени уступая место социал-утопии А.Н. Толстого, А.В. Беляева и их последователей.

К экзистенциальной проблематике советская фантастика подошла уже в

1960-е гг. Наиболее близкими к ней оказались произведения братьев Стругацких, такие как «Жук в муравейнике», «Второе нашествие марсиан», «Попытка к бегству», – и эти произведения, пусть даже неоднократно переизданные, не входят в число широко известных. В свою очередь, в популярных книгах Стругацких гораздо чаще рассматривается (и привлекает гораздо большее внимание читательской аудитории) ницшеанская проблематика – роль человека в истории («Трудно быть богом»), соотношение обычного человека и сверхчеловека – людена («Гадкие лебеди»), цена счастья («Пикник на обочине»), исторические судьбы человечества («Хищные вещи века»).

Можно предположить, что не одно восприятие читающей публики не дало развиваться экзистенциальной тематике в их творчестве, но и стремительные изменения социальной ситуации, задающей условия интерпретации научно-фантастического сюжета, стремительные темпы научного прогресса, а также несовпадение значимых для писателей-шестидесятников целей и ценностей с целями и ценностями читательской аудитории восьмидесятых и девяностых. В результате сам конфликт большинства произведений ускользает от читателя, оставляя лишь приключенческую линию, что снижает и уровень сложности интерпретации произведения. Так, М. Амузин относит сохранение популярности сочинений Стругацких на счет эскапистских настроений аудитории: «В воображаемые ситуации Стругацких, в коллизии выбора и приключения духа, казавшиеся когда-то драматичными, грозными, теперь погружаются, как в минеральную ванну, – вокруг пузырится и приятно покалывает, а в сущности, отвлекает и успокаивает. Реальность оказалась проще, грубее, страшнее» [1]. И с этим утверждением совпадает фактическое исчезновение из современной научно-фантастической литературы собственно научной составляющей в пользу фэнтезийной, в большей степени поддерживающей эскапистские настроения.

Авторская песня как литературный жанр (В.С. Высоцкий, Б.Ш. Окуджава, А. Галич и др.). Авторская песня как литературный жанр оказалась востребованной в ситуации поздних 1950–60-х гг. Возникла на базе городского романса, однако ее

тематическое и жанровое разнообразие было существенно расширено с расширением ее популярности в туристических кругах; ведущей интонацией стала трагическая, возникшая из экстремальности ситуаций, предельной собранности героев, раскрытии новых граней личности в экзистенциальных ситуациях [4]. Именно в авторских песнях военной тематики возникают, с одной стороны, образы истории, состоящей из отдельных, не заметных в общем потоке личностей («Песня о Леньке Королеве» Б.Ш. Окуджавы, «Мы похоронены где-то под Нарвой» А. Галича), с другой стороны, обозначается стремление личности вырваться из потока предзаданных переживаний («От границы мы Землю вращали назад...», «“Як”-истребитель» В.С. Высоцкого). Сопряжение этих двух тем приводит к образу человека, противостоящего безликому потоку, что проявляется в песнях Б.Ш. Окуджавы [3], а также В.С. Высоцкого, поднимая обычного человека в необычных условиях до уровня героя. Переход от экзистенциальной темы к ницшеанскому ее разрешению описан у В.С. Высоцкого в «Чужой колее»: начиная с «заброшенности» в чужую колею в результате неверно сделанного выбора («Я цели намечал свои на выбор, сам, а вот теперь из колеи не выбраться»), герой оказывается перед выбором – «условия, в общем, в колее нормальные... так держаться! – колесо в колесе, и доеду туда, куда все», однако «и ко мне пришла беда – стартер заел, теперь уж это не езда, а ерзанье...». В дальнейшем герой фактически отказывается от выбора «подлинной» жизни – прекрасно понимая ценность поступка «чудака», который «начал спорить с колеей по глупости», он все же надеется на других – «подъедет кто-нибудь, да вытянет», и преодоление ситуации снова оказывается не его поступком – «размыли край ручьи весенние, там выход есть из колеи – спасение». После нахождения выхода герой подводит итог уже вполне по-ницшеански, формируя поведенческий императив: «Эй вы, задние, делай, как я! Это значит – не надо за мной! Колея эта – только моя! Выбирайтесь своей колеей», имеющих, к тому же, характерную для Ф. Ницше форму парадокса. С формированием поведенческих императивов, рецептов поведения, морали в художес-

твенных произведениях экзистенциализм, по мнению автора, уступает место иным способам философствования, в нашем примере – ницшеанскому.

* * *

Рассмотренные примеры показывают, как экзистенциальные (человек в пограничных состояниях, формирование личного опыта подлинного бытия) и ницшеанские темы (противостояние героя и безымянной массы (или даже более явно – человека будущего и человека настоящего) кризиса современной культуры, формирование поведенческого императива) широко представлены в современной отечественной литературе, часто обращаясь за художественным материалом к философским концепциям. На рассмотренных примерах мы видим, что в СССР и постсоветской России экзистенциализм преломляется самым причудливым образом: начиная с осмысления пограничных ситуаций, он выходит к разочарованию в человеческой природе, и у такой логики развития экзистенциального конфликта есть свое объяснение.

Социокультурная ситуация советского времени сформировала в среде интеллигенции определенную диссидентскую моду на экзистенциализм. Интеллигентный советский человек должен был быть знаком с творчеством братьев Стругацких, В.С. Высоцкого и других авторов, соотносимых с экзистенциализмом, выпадение которых из официального канона и явные противоречия с властью сообщали им и потребителям их продукции символическую славу диссидентов. С учетом того, что даже хранение подобной литературной продукции в некоторые периоды истории СССР могло стать причиной жизненных неприятностей, все же простое потребление и хранение, приобщение к ней не требовало преобразования мировоззрения или изменения шаблонов практической деятельности. В силу этого можно утверждать, что философия экзистенциализма главным образом совпала со значимыми в истории нашей страны процессами, но не подтолкнула людей к глубокому осмыслению поставленных ей проблем. Это позволяло сопереживать героям и не соотносить описываемые события с собственной экзистенциальной ситуацией, дистанцируясь

от произведений Стругацких как от жанра фантастики, произведений А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова – как от опыта прошедшей исторической эпохи, песен В.С. Высоцкого – как от личного опыта автора, ведущего предосудительный, по советским меркам, образ жизни. Но не только спецификой советской повседневности можно объяснить малую состоятельность русского литературного экзистенциализма, есть и причины, связанные с самой спецификой русской литературы.

Различными авторами отмечалась дидактичность русской литературы [2], а также ее значимость для формирования национального сознания [7], и из этого следует не только превращение русской литературы для читателя в «евангелические чтения» [там же], но и стремление писателей выступать с осмысленными заявлениями эпического размаха, становясь лидерами и форматорами массового мнения. Подобное содержание требует крупных литературных форм, экзистенциализм же в литературе создал удобную для выражения идей заброшенности и возможной неподлинности существования суперминималистическую форму, предельно насыщенную содержанием (рассказ («Стена»), сказка («Маленький принц»), притча («Старик и море»), пьеса («Мухи»), миф («Миф о Сизифе») и т.п.). Таким образом, идеальная для русской литературы форма не совпадает с формой, допустимой для выражения экзистенциальных переживаний.

У экзистенциальной малой литературной формы есть и еще одна граница: она описывает конечные отрезки переживаний, предполагая, что по окончании времени литературного произведения конфликт разрешится в пользу либо правильного выбора героя, либо в пользу воздаяния за неверный выбор. Когда ответственность, готовность к подвигу, ощущение заброшенности становятся постоянным спутником человека, эта форма перестает работать, потому что перестает работать и само экзистенциальное переживание, вызывающее только равнодушие к выбору и к самим состояниям, между которыми приходится выбирать. В ситуации цикличности российской истории, инверсионных конфликтов, вечной актуальности персонажей М.Е. Салтыкова-Щедрина конечность экзистенциального опыта человека оказы-

вается ничтожной силой для разрешения конфликтов, укорененных в истории общества.

Стоит признать правоту И.В. Кукулина, отмечающего отсутствие в русской литературе традиции рефлексии субъекта, можем также предположить, что ее отсутствие компенсируется дидактикой личностного опыта. Действительно, в творчестве практически всех указанных авторов присутствует апологетика победителя, человека, который не столько выстраивает события своей жизни в единый смысловой ряд, сколько возвышается над окружающим миром и над окружающими в частности. Прошедшему через пограничную ситуацию приписываются некие сверхвозможности, в том числе и право творить суд и выносить решения за других, что толкает литературного героя в объятия либо ницшеанства, либо религиозной философии.

* * *

Подводя итог вышесказанному, отметим странность судьбы русской экзистенциальной литературы, начинающей с описания экзистенциальной ситуации и заканчивающей ее разрешением в духе ницшеанства. Популярность ницшеанской идеи сверхчеловека-«супергероя», прошедшего «огонь, воду и медные трубы» и потому «право имеющего», объясняет как популярность русской экзистенциальной литературы в переломные для общества моменты, так и отсутствие значимых выводов, сделанных для себя читателями этой литературы. Ожидания от русской экзистенциальной литературы оказываются сродни ожиданиям публики голливудского блокбастера; и массовость подобных ожиданий не может не удивлять.

1. Амосин М. Стругацкие и принцип неопределенности // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/4/am16.html> (дата обращения: 06.07.2017).

2. Золотухина О.Ю. Религиозный поиск В. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя // Google Books. URL: goo.gl/wGRic9 (дата обращения: 04.10.2017).

3. Иванов Е.Е. Антивоенная позиция лирического героя в поэзии Б. Окуджавы // Молодой ученый. 2017. № 7. С. 579–583. URL: <https://moluch.ru/archive/141/39739/> (дата обращения: 06.07.2017).

4. Карпенко А. «Лучший, но опальный стрелок». Владимир Высоцкий // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/zin/2013/2/k12.html> (дата обращения: 06.07.2017).

5. Корнев В. Экзистенциальный гуманизм А. Гайдара // Кафедра архетипических исследований при Международном университете фундаментального обучения. URL: <http://www.kafedramtai.ru/84-almanac-issue-7/reviews/696-gaydar> (дата обращения: 03.09.2017).

6. Кукулин И.В. Регулирование боли // Журнальный зал. <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html> (дата обращения: 06.07.2017).

7. Эпштейн М.Н. Ирония идеала: парадоксы русской литературы // Google Books. URL: goo.gl/QF21sr (дата обращения: 04.10.2017).

References

1. Amusin M. *Zhurnal'nyj zal*, available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/4/am16.html> (accessed 06.07.2017) [in Rus].

2. Zolotuhina O.Ju. *Google Books*, available at: goo.gl/wGRic9 (accessed 04.10.2017) [in Rus].

3. Ivanov E.E. (2017) *Molodoj uchenyj*, no. 7, pp. 579–583, available at: <https://moluch.ru/archive/141/39739/> (accessed 06.07.2017) [in Rus].

4. Karpenko A. *Zhurnal'nyj zal*, available at: <http://magazines.russ.ru/zin/2013/2/k12.html> (accessed 06.07.2017) [in Rus].

5. Kornev V. Jekzistencial'nyj gumanizm A. Gajdara / Kafedra arhetipicheskikh issledovanij pri Mezhdunarodnoj universitete fundamental'nogo obuchenija, available at: <http://www.kafedramtai.ru/84-almanac-issue-7/reviews/696-gaydar> (accessed 03.09.2017) [in Rus].

6. Kukulin I.V. *Zhurnal'nyj zal*, available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ku37.html> (accessed 06.07.2017) [in Rus].

7. Jepshtejn M.N. *Google Books*, available at: goo.gl/QF21sr (accessed 04.10.2017) [in Rus].

For citing: Kvyatkovsky G.Yu.

Transformation of existentialism in Russian (Soviet and post-Soviet) literature // *Socium i vlast*. 2017. № 6 (68). P. 114–119.

UDC 001.1:316 +1(091)+141.32

TRANSFORMATION OF EXISTENTIALISM IN RUSSIAN (SOVIET AND POST-SOVIET) LITERATURE

Kvyatkovsky Georgy Yuryevich,

South Ural State University (National Research University), Associate Professor of the Department Chair of Philosophy, Cand.Sc. (Sociology), Chelyabinsk, Russia. E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Annotation

The article raises the question about specificity of the Russian literary existentialism. The author puts forward the hypothesis of the scarcity of pure existentialism in the Soviet and post-Soviet literature in connection with the transformation of existential ideas in Nietzschean philosophy perceived through the prism of the idea of *bermensch*: the experience of the existential border situations becomes a marker of the superiority of the literary character over the people around him. The author examines the reasons which make the indicated transformation of literary existentialism become popular in the readers' circles.

Key concepts:

history of philosophy,
social philosophy,
existentialism,
Nietzschean philosophy,
modern philosophy.